

GADZHIMURADOVA Gyu'l'nara Il'yasbekovna, *Cand.Sci.(Philos.)*, Senior Researcher of the Institute of Socio-Political Research, RAS (6 Fotiyevoj St, Moscow, Russia, 119333; gadzhimuradova1@rambler.ru)

PROBLEMS OF GENDER EQUALITY IN MUSLIM COMMUNITIES OF EUROPE

(Part 2. Part 1 was published in No. 12, 2016)

Abstract. This article is a continuation of the theme indicated in the previous part. The article attempts to answer the questions, whether there is a problem of gender equality among the migrants from the Arab-Muslim world, how and in what way it is manifested, as well as what are the mechanisms instilling the foundations of European liberalism to migrants. The author gives her own vision of the problem.

Keywords: European values, gender equality, European Muslims, honor crimes, multicultural policy

УДК 316.74

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; batorovitch@mail.ru)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТОВОЙ СИСТЕМЫ БУДДИЗМА СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ

Аннотация. В буддизме современной Бурятии протекают динамичные процессы трансформации системы религиозных действий как на уровне культовой системы, так и в религиозных практиках верующих. Данная статья посвящена изучению буддийских религиозных практик в современной Бурятии. Особое внимание обращено на выявление связи типов буддийских сообществ и религиозных практик.

Ключевые слова: социология, буддизм, социология буддизма, буддология, буддизм в России

Исследование религиозной деятельности является одной из наиболее сложных проблем научного изучения религиозной жизни. Текучесть форм религиозных действий, многообразие практик и инклюзивность смыслов сосуществуют с рафинированными ритуалами, освященными традицией и канонем. Данная статья посвящена изучению буддийских религиозных практик в современной Бурятии. В рамках одной публикации трудно охватить все аспекты этой проблематики, поэтому основное внимание будет уделено особенностям религиозных практик разных буддийских сообществ Бурятии.

Все многообразие религиозных практик буддизма трудно привязать к определенному типу «буддийского» поведения, тем более к действиям, которые охватывали бы всех верующих буддистов. Практики выступают скорее интегрирующим компонентом для конкретных сообществ верующих, в которых индивиды вовлекаются в коллективные или индивидуальные действия, ориентированные на воспроизводство принятых в этом сообществе образцов ритуалов или неритуализированных действий. В современной Бурятии формируются несколько типов буддийских сообществ. Для них характерны как

ориентация на воспроизводство единых образцов школьной или монастырской традиции, так и специфические практики. Большинство сообществ ориентированы на традицию Гелуг, кроме нескольких общин Ньигма, Дзогчен, Карма Кагью и Дрикунг Кагью и отдельных индивидов, ориентированных на практики других школ.

Буддийские священнослужители организованы в монастырскую церковную ассоциацию и внемонастырские общины – дуганы. В Бурятии также действуют ламы, не входящие в общины. Они, как правило, проживают в черте населенных пунктов, занимаются индивидуальной практикой, ведут прием верующих, исполняют по их просьбам ритуалы.

Сообщества буддистов-мирян можно разделить на два основных типа: местные территориальные сообщества верующих мирян, которых часто называют прихожанами, а также группы мирян – буддийских практиков, возникшие вокруг буддийских учителей, таких как геше Джампа Тинлей, Еше Лодой ринпоче, Оле Нидал, Намкай Норбу ринпоче и др. Особо следует отметить йогические отшельнические сообщества. Неструктурированные диффузные сообщества, включающие людей, слабо интегрированных в буддийские практики и идеи, охватывают весьма значительное число верующих, ориентированных на определенные группы, монастыри, дуганы или мирские общины. Интерес представляют также сообщества в сети Интернет, в которых формируются новые религиозные и квазирелигиозные представления и действия [Актамов, Бадмацыренов, Цыремпилов 2015: 128].

В изучении культовой системы буддизма принято дифференцировать несколько подсистем. Системообразующим здесь выступает различие «взаимосвязанных и вместе с тем различных форм вероучения и культа на доктринальном, церковном, церковно-популярном и массовом, бытовом уровнях» [Галданова и др. 1983: 116]. Авторы коллективной монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы» выделили три основных уровня культовой системы буддизма Бурятии: ассимилированные обряды местного происхождения (прежде всего, общественные культы «хозяев местности» и территориально-родовой культ обо); бытовые обряды, вошедшие в культовую систему в ходе ассимиляции традиционных религиозных обычаев тибетцев, тюрков и монголов; храмовая обрядность [Галданова и др. 1983: 118-119]. С.-Х.Д. Сыртыпова выделяет храмовую службу, бытовой обряд и индивидуальную практику [Буддизм в истории... 2014: 158].

Региональная специфика буддизма в Бурятии определялась особенностями бытовой обрядности, причем не столько формой и содержанием ритуала, сколько социальной функцией обрядности и характером культового сообщества. Отличие этнической вариации буддизма не сводится к вероучению, а заключается в обрядовой, культовой системе [Галданова 1997: 93]. Буддизм на уровне массовой религии включил в свою обрядовую систему добуддийские ритуалы жизненного цикла, причем «обрядность тибетского буддизма в подавляющем большинстве тантрийская. Ее основной арсенал – магия, поэтому в обрядниках храмового и бытового ритуала толкование мира потеряло свой философский смысл» [Галданова и др. 1983: 179]. Примечательно, что в постсоветский период также отмечается «конкретно-ситуативный и сугубо витальный смысл» включения верующих в религиозные действия [Бурятская этничность... 2005: 216].

Особенностью современной культовой системы Бурятии является ее ориентация на возрождение традиций, сложившихся в период, предшествующий советской деинституционализации буддизма. Ситуация осложняется тем, что в советский период народные неформальные практики сыграли

«уникальную роль в сохранении религии в советское время, и именно это позволяет им сейчас претендовать на легитимность в споре с официальной религией» [Агаджанян, Русселе 2006: 5]. В некотором смысле современные практики буддийских сообществ близки к ситуации начала распространения буддизма в Бурятии и формирования его социальной системы. В советский период многие элементы культовой системы исчезают, а оставшиеся претерпевают существенные изменения. К.М. Герасимова по материалам исследований 1960–1970-х гг. отмечала совмещение обрядов, перенесение бытовых обрядов на уровень дацанского культа, замену сложных обрядов более простыми культовыми действиями, исполнение которых не требовало привлечения профессиональных священнослужителей [Герасимова 1980: 22]. В этот период функционировали лишь два дацана – Иволгинский и Агинский, ламы которых совершали в течение года поездки по закрепленным за ними районам. Во многих селах обряды проводили люди старшего поколения, бывшие ламы. Кроме того, наблюдалось переосмысление содержания большинства бытующих обрядов, вытеснение религиозного смысла светскими понятиями и интересами житейского благополучия.

В постсоветское время происходит обратное движение – к усложнению буддийской обрядности и к ведущей, а часто и исключительной роли в ней священнослужителей, обусловленное восстановлением социальной организации профессиональных священнослужителей, увеличением численности лам и их функциональной дифференциацией. Воспроизводство традиционных буддийских институтов, организация в профессиональные сообщества и храмовая обрядность выступают основными каналами религиозной практики прихожан. Причем буддийские священнослужители прилагают значительные усилия для формирования нормативного стандарта религиозного поведения мирян. Ими издаются пособия для верующих, в которых описываются основные правила поведения в дацанах, раскрывается значение хуралов и ритуалов, объясняется смысл буддийских практик [Основы вероучения... 2007: 3]. В настоящее время выпускается целый ряд теле- и радиопрограмм, в которых ламы занимаются религиозным просвещением. Кроме того, в г. Улан-Удэ на нескольких площадках ламы проводят лекции, преимущественно на философские темы, но в них также раскрываются и предписания по буддийской практике мирян. В сельских монастырях такие мероприятия проводятся несколько реже, но в целом стремление священнослужителей к ревитализации традиционных практик является общим для всех локальных приходских сообществ.

Ключевым элементом храмовой (дацанской) культовой системы тибето-монгольского буддизма являются хуралы, или собрания священнослужителей. Буддийские священнослужители придают огромное значение хуралам не только как собраниям, но и потому, что они «обладают большой силой воздействия на жизнь человека, на разрешение возникающих у них проблем. Когда ламы читают молитвы, то Будда и его окружение, которым посвящается молебен, незримо присутствуют в дацане. Во время хурала дацан наполняется мощной божественной энергетикой, очищая все вокруг и всех присутствующих на молебне мирян. Важно, что хуралы могут посещать люди разных национальностей и вероисповеданий, и Будда и его последователи помогают всем им в равной степени» [Самдан 2014: 11].

Кроме хуралов в дацанах распространена практика индивидуального приема верующих, во время которого читаются ритуальные тексты и производятся ритуалы в зависимости от обращения верующих, делаются астрологические прогнозы. Причем изменение практик отмечается и в религиозных изданиях: «Раньше, когда буддизм был широко распространен в Бурятии, прихожане

посещали дацаны в основном во время проведения хуралов, посвященных большим буддийским праздникам, и молились за себя, за своих родных и близких. В то время обычай обращаться к ламе с целью совершения обрядов в индивидуальном порядке не был распространен так широко, как сейчас» [Хуралы... 2014: 1].

Нами был проведен анкетный опрос 880 респондентов, относящихся к трем разным группам верующих. В первую вошли 143 чел., профессионально занятые в сфере буддийской религиозной деятельности, занимающие позиции «лама» и «хуварак» в 26 буддийских местных религиозных организациях Бурятии и Забайкальского края. Отбор организаций был осуществлен по типу организации (дацан/дуган/университет) и поселенческому критерию (городской/сельский). Вторая группа респондентов с условным наименованием «прихожане» охватывает 398 прихожан буддийских монастырей и дуганов. Третья группа опрошенных («миряне»), в которую вошли члены сообществ учеников геше Джампа Тинлея и Еше Лодой ринпоче, составила 290 чел.

Верующим был задан вопрос: «Каково Ваше отношение к религии?» При этом ставилась задача выявить представления людей о тех моделях религиозного действия, которые они считают наиболее значимыми для себя. Распределение демонстрирует близость ответов обеих групп опрошенных за исключением несколько более высокой доли респондентов-прихожан, отнесших себя к «колеблющимся» и «неверующим». Большинство опрошенных считают себя верующими и соблюдают религиозные обряды.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Каково Ваше отношение к религии?», %

Варианты ответа	Прихожане	Миряне
Верующий и соблюдаю религиозные обряды	58,8	64,0
Верующий, но не соблюдаю религиозные обряды	30,2	28,6
Колеблюсь	6,8	2,9
Все равно	1,3	0,6
Неверующий, но уважаю чувства верующих	3,5	1,0
Я думаю, что с религией нужно бороться	1,3	0,3
Затрудняюсь ответить	0,8	2,6

Вместе с тем следующие вопросы демонстрируют существенное расхождение в понимании и практике этих обрядов. Распределение ответов на вопрос: «Какие религиозные практики Вы обычно совершаете?» – демонстрирует существенные различия между ответами верующих-прихожан и практикующих мирян. Различие в практиках и их смыслах обусловлено социальными позициями верующих и уровнем их вовлеченности в религиозную деятельность.

Большинство ответов прихожан (62,1%) демонстрируют ориентацию на традиционную монастырскую культовую систему, а хуралы в дацане выступают основной формой практики. Ламу посещают 62,3% респондентов-прихожан, в то время как среди мирян таковых лишь 29,6%. Следует также оговориться, что термин «лама» также воспринимается этими группами в различающихся значениях. В Бурятии ламами называют всех священнослужителей, кроме учеников-послушников хувараков, хотя исторически использовались более точные термины для различных категорий духовенства. В тибетский язык слово «лама» вошло как калька с санскритского «гуру» – «учитель». Поэтому даже частичное

совпадение ответов респондентов двух групп не вполне отражает различия в смысловом и социальном наполнении практики. Посещают обо 42,2% прихожан и лишь 8,7% мирян.

Существенные отличия «мирян» связаны с практиками чтения (начитывания) мантр и священных книг, медитации и тантры. Практически все члены этих общин вовлечены в отношения ученичества с буддийскими учителями, оформленными через ритуализированные формы (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие религиозные практики Вы обычно совершаете?», %**

Варианты ответа	Прихожане	Миряне
Посещаю хуралы в дацане	62,1	29,3
Совершаю дома тахил	17,8	12,2
Посещаю ламу	61,3	29,6
Посещаю святые места	39,2	34,1
Читаю мантры	9,8	43,1
Медитирую	0,5	22,5
Практикую тантру	3,5	25,4
Читаю священные книги	5,3	58,8
Посещаю обо	42,2	8,7
Все перечисленные	11,8	8,0
Не совершаю никаких практик	2,3	2,9
Другое	0,3	0,6
Развиваю позитивные состояния ума	0,3	0,6
Практики сутр и данные учителями	—	0,3
Хожу на лекции	—	0,3

Таким образом, в современном буддизме Бурятии протекают весьма активные процессы развития культовой системы. Их основные направления связаны с развитием разных типов общин, ориентированных на различные социальные стратегии. Для бурятских монастырских сообществ наиболее важными направлениями являются восстановление традиционного монастырского и внемонастырского культа, развитие ритуальных практик связи монастырей и приходов, вовлечение верующих в религиозную культовую деятельность. Безусловный интерес вызывает сочетание ревитализованных практик с изменившимися общественными условиями и потребностями верующих. Расширение форм деятельности священнослужителей, особенно во внекультовой сфере, может явиться предметом отдельного исследования. Развитие же практик «городского», «глобального», «нового» буддизма в Бурятии связано с формированием мирских сообществ, в гораздо меньшей степени связанных с локальными монастырскими общинами и практиками.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта международного конкурса РГНФ – МОН Монголии «Постсоветское общество и буддийская сангха: социокультурные процессы в России и Монголии» № 15-23-03002.

Список литературы

Агаджанян А., Русселе К. 2006. Религиозные практики в современной России: основные контуры и методы изучения. — *Религиозные практики современной России: сборник статей* (под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна). М.: Новое издательство.

Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цыремпилов Н.В. 2015. Российский буддизм в интернет-измерении. — *Власть*. № 7. С. 125-130.

Буддизм в истории и культуре бурят (под ред. И.Р. Гарри). 2014. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном. 417 с.

Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). 2005. Иркутск: РПЦ «Радиан». 246 с.

Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б., Митупов Г.Ц. 1983. *Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы* (отв. ред. В.В. Мантатов). Новосибирск: Наука. 234 с.

Галданова Г.Р. 1997. Традиционные верования бурят в системе буддизма. — *Бурятский буддизм: история и идеология*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 92-102.

Герасимова К.М. 1980. Изменения в бытовой обрядности ламаизма в современных условиях. — *Современные проблемы буддизма, шаманизма и православия*. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР. С. 16-30.

Основы вероучения. В помощь каждому, кто хочет знать о буддизме. 2007. Улан-Удэ: Буддийская традиционная сангха России. 48 с.

Самдан С.Д. 2014. *Наш путь в дацан*. Улан-Удэ: Республиканская типография. 80 с.

Хуралы. Молебны. Ритуалы. Обряды. 2014. Верхняя Иволга: Буддийская традиционная сангха России. 40 с.

BADMATSYRENOV Timur Batorovich, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; batorovitsh@mail.ru)

RELIGIOUS PRACTICES IN THE BUDDHIST CULT SYSTEM IN CONTEMPORARY BURYATIA

Abstract. The aim of this paper is to explore the main peculiarities of the Buddhist religious practices in contemporary Buryatia. One often describes Buddhism as a religion free of formal membership in a religious community and a religious participation. From that point of view Buddhist religiosity neither has an institutional basis and perception as spirituality, nor has formal or organizational frames and perception as voluntarist action. However, the problem of followers' integration is one of the most critical and constructive ones for unified normative understanding of religious practice as the main integration instrument. The basis of the Buddhist practice is the system of religious and philosophical ideas, divided into the Yanas. Different practices of these paths are aimed to the similar goal, but through the various methods of merit-making. One of the most important factors of the development of religious practices is that a few types of Buddhist communities are emerged in Buryatia. In the result of post-Soviet transformation of the cult system one can find some changes in the forms of the monastic and non-monastic community's rituals and non-ritual actions.

Keywords: sociology, Buddhism, sociology of Buddhism, Buddhist studies, Buddhism in Russia
